

УДК 165.0:82

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-4-153-166

Достижения и актуальные проблемы современной аналитической эпистемологии. Интервью с Дунканом Притчардом *

И. Е. Прись

*Институт философии НАН Беларуси
Минск, Беларусь*

Аннотация

Известный англо-американский философ Дункан Притчард рассказывает об основных направлениях своих исследований, о решении проблемы Гетье, о современном состоянии эпистемологии. Предположение, что знание исключает случайность (anti-luck condition), а также зависит от когнитивных способностей субъекта (ability condition), построенные на нем концепции анти-случайной и антирисковой эпистемологии добродетелей, в настоящее время является одним из наиболее сильных интеллектуальных инструментов анализа знания. Более того, такой подход позволяет надеяться на возвращение в эпистемологию «старого» идеала о том, что истина является «фундаментальным эпистемическим благом», который во многом был разрушен релейблизмом А. Голдмана, который понимал «заботу об истине как максимизацию количества истинных убеждений». Отказ от понимания истины как добродетели приводит к потере универсальности применимости философии «за пределами Академии», что существенным образом влияет на нашу оценку как рациональности религиозных убеждений, так и современных медиа и феномена пост-правды.

Ключевые слова

аналитическая эпистемология, антислучайная эпистемология добродетели, антирисковая эпистемология добродетели, скептицизм, петлевая эпистемология, квазифидеизм

Благодарности

Публикация подготовлена при частичной поддержке гранта БРФФИ № Г20-026

Для цитирования

Прись И. Е. Достижения и актуальные проблемы современной аналитической эпистемологии. Интервью с Дунканом Притчардом // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 4. С. 153–166. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-4-153-166

* 19 августа 2020 г. известный англо-американский философ, профессор Калифорнийского университета в Ирвайне Дункан Притчард (Duncan Pritchard) дал онлайн-интервью, в котором рассказал об основных направлениях своих исследований, о своих книгах и получивших широкую известность концепциях, поделился своим видением будущего эпистемологии и ее приложений на практике.

Интервью провел и подготовил старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси, PhD, кандидат физ.-мат. наук И. Е. Прись. С оригиналом интервью можно ознакомиться на сайте Института философии НАН Беларуси: <http://philosophy.by/ru/news/event-2020-08-19/>.

© И. Е. Прись, 2020

Achievements and Top Problems of Modern Analytical Epistemology. An Interview with Duncan Pritchard

I. E. Pris

*Institute of Philosophy NAS of Belarus
Minsk, Belarus*

Abstract

The famous British-American philosopher Duncan Pritchard talks about the main directions of his research, about the solution of the Gettier problem, about the current state of epistemology. The assumption that knowledge excludes chance (anti-luck condition), and also depends on the cognitive abilities of the person (ability condition), the concepts of anti-luck and anti-risk virtue epistemologies built on it, are currently one of the most powerful intellectual tools for analyzing knowledge. Moreover, this approach allows us to hope for a return to the epistemology of the “old” ideal that truth is a “fundamental epistemic good”, which was almost forbidden after A. Goldman’s reliabilism, that understood “the concern for truth as maximizing the number of true beliefs”. The refusal to understand the truth as a virtue leads to the loss of the universality of the applicability of philosophy “outside the Academy”, which significantly affects our assessment of both the rationality of religious beliefs and modern media and the post-truth phenomenon.

Keywords

analytical epistemology, anti-luck virtue epistemology, anti-risk virtue epistemology, skepticism, hinge epistemology, quasi-fideism

Acknowledgements

The reported study was funded by the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research according to the research project № Г20-026

For citation

Pris I. E. Achievements and Top Problems of Modern Analytical Epistemology. An Interview with Duncan Pritchard. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 4, p. 153–166. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-4-153-166

Дункан Притчард является одним из ведущих современных философов. Он широко известен своими работами в области эпистемологии: «Epistemic Luck» (Oxford University Press, 2005), «Epistemology A-Z» (в соавторстве с М. Блау) (Palgrave Macmillan, 2005), «What is this Thing Called Philosophy?» (Routledge, 2006), «Epistemological Disjunctivism» (Oxford University Press, 2012), «Epistemic Angst: Radical Skepticism and the Groundlessness of Our Believing» (Princeton University Press, 2015), «Epistemology» (Palgrave Macmillan, 2016), «Scepticism: A Very Short Introduction» (Oxford University Press, 2019). В ближайшее время в соавторстве с А. Колива выйдет книга, посвященная скептицизму: «Scepticism» (Routledge, 2020).

И. Прись: Профессор Притчард, приветствую Вас из Минска. Вы сейчас в Калифорнии. Спасибо, что приняли моё приглашение дать интервью. Вы один из ведущих философов. На мой взгляд, Ваш учебник «Epistemology» (первое издание вышло в 2009 г., и тогда книга называлась «Knowledge») – одна из лучших книг для начинающих изучать эпистемологию.

Пожалуйста, не могли бы Вы рассказать об основных направлениях Ваших исследований?

Д. Притчард: Конечно. Основных направлений три. Во-первых, общие проблемы эпистемологии. Начиная с теории знания. Сейчас это направление не очень популярно, но я пытаюсь построить подходящую теорию знания, разработать методологию исследования эпистемологических вопросов, в частности построить «антислучайную эпистемологию» (anti-luck epistemology). В настоящее время я также говорю о необходимости «антирисковой эпистемологии» (anti-risk epistemology). Случайность и риск – тесно связанные между собой понятия. И понятие риска здесь даже может быть более важным. Результатом работы над этим проектом стала моя первая книга «Epistemic Luck», вышедшая в 2005 г. Со временем, всё это получило развитие в виде нескольких проектов. Один из них – это «антислучайная эпистемология добродетелей» (anti-luck virtue epistemology), или «антирисковая эпистемология добродетелей», как я называю ее теперь, – попытка соединить модальную эпистемологию и эпистемологию добродетелей. Здесь также рассматриваются вопросы отношения знания и понимания, эпистемическая аксиология, природа интеллектуальных добродетелей.

Во-вторых, я интересуюсь радикальным скептицизмом. Это отдельное направление, которое пересекается с эпистемологическим проектом. Многие вещи, которыми я интересуюсь, пересекаются со скептицизмом. Например, мое представление о перцептуальном знании – «эпистемологический дисджанктивизм» (epistemological disjunctivism). На мой взгляд, анализ перцептуального знания может стать частью ответа на некоторые разновидности скептицизма. Это направление также имеет отношение к моим работам по Витгенштейну и, в частности, к пониманию того, что такое «петлевая эпистемология» (hinge epistemology). Я также интересуюсь историей скептицизма, в частности пирроновским скептицизмом.

В-третьих, это проблема применения эпистемологии. Как эпистемические вопросы могут быть связаны с другими областями философии, могут применяться вне философии? Например, моя работа по квазифидеизму в философии религии в сущности есть применение петлевой эпистемологии к вопросу о рациональности религиозных верований. Я также работаю над тем, что я называю концепцией «расширенного знания» (extended knowledge) в области, где объеди-

няются эпистемология и когнитивные науки. У меня есть работы по эпистемологии образования и эпистемологии права. Большая часть моих последних работ посвящена случайности и риску. Я не только пишу о них, но и пытаюсь понять, как их можно применить в различных областях, не только к решению специфических эпистемических проблем, но и более широко. Я также интересуюсь практическими приложениями эпистемологии, в том числе «за пределами Академии». Например, в Шотландии я много занимался проектом «философия в тюрьмах». Я участвую в обсуждении образовательных программ в Калифорнии, в частности пытаюсь более широко представить в учебном плане здесь, в Ирвайне, тему интеллектуальных добродетелей. Есть проект по гипотезе «расширенного познания» (*extended cognition*) в области философии образования. Мне нравится идея, что философию можно применять «за пределами Академии».

И. Прись: Решили ли Вы проблему Гетье? Это одна из самых известных проблем в эпистемологии.

Д. Притчард: Да, я думаю, что я ее решил. Хотя подобное заявление может выглядеть довольно высокомерно [смеется].

И. Прись: У Вас несколько концепций: антислучайная эпистемология, антислучайная эпистемология добродетелей, эпистемологический дисджанктивизм. Какая из них решает проблему Гетье?

Д. Притчард: Я думаю, это антислучайная эпистемология добродетелей. Проблему Гетье пытались решить различными способами, и некоторые попытки выглядели достаточно правдоподобными, но в итоге, по пессимистической индукции, можно прийти к выводу, что она не решаема. Даже сейчас многие думают, что эта проблема не может быть решена. Но такой вывод кажется мне ошибкой.

Я думаю, надо сделать две вещи. Первая – нужно понять, в чем заключается антислучайная интуиция (*anti-luck intuition*), которая схватывает случаи, в которых обоснованные истинные убеждения не являются знанием, поскольку их обоснование содержит слишком много случайности. Эту ситуацию нужно распаковать. Если мы сделаем это надлежащим образом, то мы поймем, что именно нужно сделать, поймем, в чем именно состоит проблема Гетье. Это именно то, что делают антислучайная эпистемология и антирисковая эпистемология. Также, я думаю, нужно понять, каким образом антислучайная интуиция перекрывается с другой интуицией – интуицией относительно эпистемической способности субъекта (*ability intuition*). Знание создается в результате успешных когнитивных действий агента. И я думаю, как только мы поймем, каким образом эти две интуиции перекрывают друг друга (они не существуют одна без другой,

и это часть проблемы их понимания), после этого мы осознаем, что нам нужны и антислучайность и интеллектуальные добродетели, и что они должны быть скомпонованы специальным образом. И как только мы это поймем, мы поймем, что у нас есть решение проблемы Гетье. Более того, здесь есть понимание того, почему знание может быть таковым. Знание – это концепт, содержание которого изменяется для того, чтобы удовлетворить двум потребностям (needs). Одна потребность – исключить риск. Вторая – понять, каким образом эпистемический успех обязан действию познающего агента, в каком смысле знание является видом когнитивного достижения. Можно подумать, что эти две интуиции – одно и то же. Но на самом деле оказывается, что это не одно и то же, а немного разные вещи, накладывающие свои ограничения на то, как мы понимаем знание. Если есть два разных ограничения, то концепт изменяется так, чтобы охватить оба (речь идет о генеалогии концепта знания, которая описывается в книге «Epistemology»). Я думаю, мы можем решить проблему Гетье, одновременно объясняя, почему знание имеет именно такую структуру. Ранее тоже предлагались различные решения проблемы Гетье. Но они не работали. И даже если бы и работали, то оставалось бы загадкой, почему? Вы смотрите на анализ знания и задаетесь вопросом: «Почему концепт знания должен быть именно таким?». И это, я думаю, большая проблема. Знание – универсальная лексема, которая есть в каждом языке. Нам нужна теория знания, которая объясняет, почему знание должно быть таким.

И. Прись: Вы завершаете работу над новой книгой по скептицизму в соавторстве с Анализой Колива. Согласны ли Вы друг с другом в том, как решить или, быть может, устранить скептическую проблему? Считаете ли Вы скептическую проблему псевдопроблемой?

Д. Притчард: Мы не согласны друг с другом. Я полагаю, мы согласны лишь относительно направления решения скептической проблемы в широком смысле. Она думает, что решение дает витгенштейновская петлевая эпистемология. Но ее прочтение Витгенштейна сильно отличается от моего. Я думаю, что петли (hinges) – базовые допущения (commitments), которые мы имеем, в сущности, арациональны. Это те допущения, которые мы должны иметь, чтобы вообще иметь рациональные основания для рассуждения. Она думает приблизительно в том же духе, что и Криспин Райт, что эти допущения все-таки обладают каким-то рациональным статусом. А я думаю, что эти допущения арациональны в том смысле, что у нас нет особых оснований считать, что они истинны. У нас есть стратегические основания верить в них, так как они играют определенную роль в эпистемологии. Мы должны иметь эти допущения, чтобы знать другие вещи. Она думает, что они – это нечто вроде легитимных предположений (assump-

tions). Это ее прочтение Витгенштейна. И она думает, что, опираясь на такое понимание, можно решить целый ряд скептических проблем, которые по сути сводятся к одной проблеме. У меня другая точка зрения. Я полагаю, что в действительности многие скептические проблемы различаются. Даже картезианский скептицизм не однозначен. Есть скептицизм, который основывается на принципе замкнутости (closure). И есть скептицизм, который основывается на принципе недоопределённости. Другой источник скептицизма – другая проблема. Один источник скептицизма – предположение, что мы можем рационально оценить все наши убеждения. На первый взгляд это выглядит совершенно разумным. Если мы можем локально оценивать наши убеждения, то почему нам не расширить это представление и не предположить, что мы можем рационально оценить всё? Витгенштейн говорит, что эта идея противоречива (incoherent). Она не относится к здравому смыслу и не встроена в нашу эпистемическую практику, а на самом деле – противоречит им. Другая идея – идея изолированности (insularity) рациональных оснований. Я думаю, что эта идея лежит в основании скептицизма от недоопределённости. Наши основания таковы, что даже в наилучших случаях могут быть ошибочными. Это вопрос эпистемической перцепции. Наш доступ к миру – наш эпистемический доступ к тому, каковы вещи «на самом деле», невозможен. Я думаю, что для решения этой проблемы нам нужен дисджанктивизм. Мы не можем решить все проблемы при помощи петлевой эпистемологии.

Таким образом, я не согласен с Колива относительно петлевой эпистемологии. Я не думаю, что петли – это предположения. Я «сильный» (hard-core) витгенштейнианец. Петли полностью арациональны. Они не предположения. От предположений можно избавиться. Предположения могут быть разумные (reasonable) или неразумные (un-reasonable). В то же время петли – нет. Это не то, что мы можем выбрать. Я думаю, что Витгенштейн серьезно относился к животной, висцеральной природе петлевых предложений. И это то, что пытается схватить моя концепция. Но у меня также есть другая концепция – дисджанктивизм, – которая имеет дело с другой разновидностью скептицизма. Тут речь идет о картезианском и, возможно, о юмовском скептицизме. Я думаю, что кантианский скептицизм совсем другой. Картезианский скептицизм в своей основе принимает, что мы можем мыслить мир как внешний по отношению к нам. Вопрос стоит так: «Каким образом мы знаем вещи? Каким образом мы имеем знание с таким-то содержанием?». Кантианский скептицизм ставит вопрос так: «Каким образом мы вообще можем мыслить о мире, иметь содержательную мысль о внешнем по отношению к нам мире, к которому у нас нет доступа?». Я думаю, что здесь мы нуждаемся в чем-то вроде метафизического дисджанктивизма.

Опять же эпистемологический дисджанктивизм здесь важен, так как он идет рука об руку с метафизическим дисджанктивизмом. Если Вы хотите комбинировать кантианский скептицизм и эту часть картезианского скептицизма, Вам нужно ввести в игру дисджанктивизм. Мы с Колива во многом расходимся. И, полагаю, именно поэтому нам полезно написать книгу о скептицизме вместе.

И. Прись: Что Вы думаете о так называемой «начала-знание эпистемологии» (knowledge first epistemology). Совместима ли она с Вашими концепциями?

Д. Притчард: В принципе, да. Многое зависит от того, каким образом Вы эту эпистемологию конструируете. Есть взгляд на антирискую (или антислучайную) эпистемологию добродетели, в рамках которого не имеет значения, является ли она редуктивным подходом. Важно то, что это структурный подход. Она говорит: «Знание имеет такую-то структуру. Она имеет эти две компоненты: случайность / риск и компонента, схватывающая роль нашей когнитивной способности. И они связаны друг с другом таким-то образом». Эту структуру Вы можете наполнить различными способами. Например, Вы можете ввести больше или меньше когнитивных способностей, если хотите. Вы можете иметь различные подходы к условию антислучайности. У меня есть своя собственная позиция. И это лишь пример, один из вариантов антирисквой эпистемологии добродетели. Один из способов ее наполнения состоит в том, что Вы можете сказать следующее: «Нельзя понять модальное условие (условие антислучайности) без предварительного концепта знания и нельзя понять условие способностей (условие добродетелей) без предварительного концепта знания». Если Вы примете эту точку зрения, это будет нередуктивный подход. Но он всё еще будет информативным. Я думаю, что нередуктивный подход всё еще может быть полезным. Он может говорить о том, каким образом всё вместе соединяется. Такая конструкция и будет «начала-знание» конструкцией. Я склонен считать, что эта конструкция редуктивная. Интересно то, что среди тех, кто придерживается сначала-знание эпистемологии, есть тенденция отказаться от проекта анализа знания в целом. Я не понимаю, почему. Сначала-знание эпистемология противостоит редуктивному подходу. Она не обязана отвергать любой другой подход к анализу знания.

И. Прись: Уильямсон говорит, что знание – наиболее общая фактивная ментальная установка (attitude). Это не анализ концепта знания?

Д. Притчард: Нет. Он также говорит, что у знания есть необходимые условия. Таким образом, Вы можете рассказать историю, почему знание имеет необходимые условия. Почему эти условия соединяются вместе так, как они соединяются, и т. д. Вы даже можете рассказать историю, что эти условия полны, т. е.

что они являются необходимыми и достаточными условиями. Не обязательно считать их редуктивными.

И. Прись: Что Вы думаете о связях между эпистемологией и другими областями философии. Не думаете ли Вы, что некоторые эпистемологические проблемы – следствие принятой метафизической концепции реальности?

Д. Притчард: Каждая область философии имеет эпистемологическую компоненту. Верно? Всегда есть что-то, что можно делать в других областях. Что касается связей, то меня больше всего интересует этика. В частности, аксиологические вопросы. Меня очень интересовал вопрос эпистемической ценности. Как ее понимать? На этот вопрос трудно ответить, не рассматривая ценности в более широком плане, что заставляет нас задуматься об этических проблемах. Что касается эпистемологических проблем и метафизической концепции реальности, то, несомненно, есть смысл в том, что скептическая проблема должна основываться на этом. Я только что упоминал проблему кантианского скептицизма. Она существенно зависит от метафизической концепции. Здесь крайне важно думать о мире, что мы не имеем к нему прямого доступа. И это уже означает привнести метафизический багаж. В этой связи, если взять дисджанктивизм, предлагается альтернативная метафизическая теория, – каким образом может быть так, что у Вас есть прямой доступ к миру. Еще одна проблема со скептицизмом, я думаю, состоит, например, в том, что всё, что Вам нужно, – это понятие истины, которое имеет разумный (reasonable) уровень объективности, встроенный в него. Как только это у Вас есть – я имею в виду эти метафизические предпосылки, – скептицизм следует непосредственно. Если у Вас нет проблемы истины, у Вас возникают другие проблемы. Всё это делает возможными много метафизических построений, совместимых с понятием минимальной объективности. И как только Вы это делаете, Вы сразу приходите к скептицизму. Метафизика играет здесь некоторую роль. Быть может, не такую большую, как мы могли бы думать, так как любая правдоподобная метафизика будет генерировать ту же самую проблему.

И. Прись: Профессор Притчард, я знаю, у Вас есть статьи по эпистемологии религии. Думаете ли вы, что религиозные убеждения рациональны? Верите ли Вы в Бога?

Д. Притчард: Я защищаю точку зрения, которая называется «квазифидеизм». Она касается рациональности религиозных убеждений. В основе своей всё это есть применение витгенштейновской эпистемологии к пониманию религии. У меня к этой теме особый интерес, так как у меня есть экзегетическая история относительно работы Витгенштейна «О достоверности», которую он написал за несколько дней до смерти, – восхитительные заметки. Я думаю, что эта работа

очень отличается от его более ранних работ, например, от «Философских исследований». Она, безусловно, содержит аргументы, которые отсутствуют в других работах. И это делает ее особенно интересной. Но я также думаю, что он заимствует основную идею – идею петлевых предложений – у Джона Генри Ньюмена, и, в частности, из эссе Ньюмена «Grammar of Assent», которое было написано раньше, чем работы Витгенштейна. В то время, когда писал Витгенштейн, эссе Ньюмена было очень влиятельной работой в богословских кругах, а также среди философов. Ньюмен пытался развить теорию (account) рациональности религиозных убеждений, прибегая к тому, что теперь мы называем петлями, чтобы придать ей смысл. Суть его идеи – это разновидность аргумента от паритета (Parity Argument) – в том, что мы не можем критиковать религиозные убеждения за то, что они в своей основе имеют арациональные допущения (commitments), так как любые убеждения в своей основе имеют арациональные допущения. Это то, что означает быть верующим. И он использует это для защиты религиозных убеждений. Я думаю, что Витгенштейн взял эту идею и применил ее в более широком контексте. Это очень важно. Я думаю, что надо вернуться к этому вопросу и исследовать его. Это то, что я называю квазифидеизмом. Он фидеистский в том смысле, что в своей основе религиозные убеждения, как и любые убеждения, имеют арациональные допущения. Но он квазифидеистский, потому что не говорит, что религиозные убеждения отличаются от обыденных. Разница в том, что для религиозных убеждений эти допущения имеют религиозную природу. Это важно, так как в литературе по рациональности религиозных убеждений эта позиция не рассматривается. Это озадачивает меня: «Почему нет?». Есть реформированная эпистемология, эвиденциализм, фидеизм и т. д. Но этой конкретной точки зрения среди них нет. Вот почему я развиваю эту точку зрения. Я думаю, что она интересная, правдоподобная, и ее можно защитить.

Что касается моих собственных убеждений, то я придерживаюсь позиции, что я не должен о них говорить. Для меня загадка, как много философов рассказывают о том, во что они верят. Когда я преподаю, например преподаю философию бакалаврам, я никогда не рассказываю о своих убеждениях, я никогда не даю им ни малейшей идеи о каком-либо моем убеждении – предположим, об эвтаназии и т. д., – потому что мне кажется, что это мешает – мешает тому, чтобы пытаться обсуждать эти проблемы. Я удивлен, что философы в социальных медиа так много заявляют о себе, какую позицию они занимают, хотя я могу понять, почему они это делают. Мне нравится сосредоточиться на рассматриваемой теме и не слишком заботиться о том, какую позицию занимают люди. Это особенно справедливо в случае религии. Вы можете наблюдать, как в дебатах по любой религиозной теме, вместо того чтобы обсуждать идеи, вещи очень быстро

сводятся к тому, у кого какая точка зрения (англ. where someone is coming from). Я думаю, это прискорбно. Мы все должны говорить об идеях, не беспокоясь о том, кто какую позицию занимает персонально. Вот почему у меня такая энигматическая позиция.

И. Прись: Профессор Притчард, какие проблемы наиболее важны в современной эпистемологии? И что Вы думаете о будущем развитии эпистемологии?

Д. Притчард: Я думаю, что огромная проблема, с которой сталкивается человечество сейчас, и которая изначально является эпистемической проблемой, – это надвигающийся на нас шторм социальных медиа, берущих под контроль нашу жизнь, дипфейки. Вы сейчас в Белоруссии в разгаре выборов, и я полагаю, что в социальных медиа много манипуляций. И всё становится хуже. Наша способность отличать истину от лжи, наша способность участвовать в дебатах и т. д. могут быть поставлены под вопрос. Может быть еще хуже, так как я думаю, что мы всё в большей степени будем зависеть от технологии – так, как этого не было раньше. Ранее я где-то говорил об этом в терминах нейромедиа. Это специфический вид «расширенного сознания». Расширенное сознание – это когда технология становится настолько интегрированной в когнитивные процессы, что они становятся частью последних. Мы думаем о технологии как внешней по отношению к нам. И я думаю, что во многих отношениях она будет оставаться внешней. Но я также думаю, что многие виды технологии будут в некотором смысле становиться «внутренними». Вы не будете осознавать, что Вы взаимодействуете с технологией. Влияние технологии на мыслительную деятельность становится всё более глубоким. Это ставит нас перед рядом эпистемологических проблем. Возникает интересный вопрос: «Что нам надо делать, чтобы этому противостоять?». Я думаю, что нам надо вернуться обратно к добродетелям – к интеллектуальным добродетелям в аристотелевском смысле. Я думаю, что в действительности это наша единственная надежда. Вы смотрите на людей, участвующих в дебатах, например в философских дебатах в Твиттере, если Вы когда-либо заходили в Твиттер, – не делайте этого [смеется], – и это вызывает депрессию. Очень депрессивно видеть там философов и то, каким образом обсуждение быстро опускается до чего-то, что во всяком случае нельзя признать в качестве рациональных дебатов. Я думаю, что опасность в том, что даже умные, консервативные люди подвержены этому. Когда они идут туда, они больше не знают, как спокойно говорить о чём-то. Это огромный вызов. Технология меняет способ нашего мышления, способ нашей аргументации, наши отношения друг с другом. Нам нужно найти способ восстановления смысла нас самих и того, что для нас важно. Я думаю, что это может быть сделано, благодаря культивированию интеллектуальных добродетелей и их высокой оценки. Мы должны высоко ценить

тех, у кого есть эти черты. Я пытаюсь призывать других их культивировать. Сейчас поощряются люди, которые, например, легко сердятся. Это считается чем-то вроде похвальной моральной черты. На самом деле это ужасная черта. Аристотель был бы против такого. Я думаю, что это реальный вызов. Эпистемология может играть здесь роль, потому что она пересекается с такими проблемами, как социальная справедливость. Я думаю, что здесь вещи становятся чертовски сложными. Вероятно, я сказал достаточно, чтобы понять, в чем проблема. Интересно, что всё это – прежде всего эпистемологический вызов. Мы нуждаемся в эпистемологах, чтобы заниматься этими вопросами. Я попытался немного поработать над этим. Я не уверен, что я хорошо подхожу, чтобы участвовать в этих дебатах. Но я этим занимаюсь. На самом деле вместе с Анализой Колива. Она работает над релятивизмом, я над – скептицизмом. Мы пытаемся говорить о проблеме социальных медиа, их влиянии на способ мышления. Я пытаюсь выявить сомнительные теоретические предпосылки, которые лежат в основе. Я думаю, что многое из того, что происходит в этих дебатах, направляется философскими идеями – скептическими идеями, релятивистскими и т. д. Моя книга «Скептицизм. Краткое введение», которую Вы упомянули, как раз об истории предмета, но она также пытается посмотреть на современные проблемы, такие как постфакты (post facts), мир постфактов, в котором, предположительно, мы живём. Меня беспокоит неправильное, как мне кажется, понимание скептической позиции.

И. Прись: У Вас в проекте написание еще трех книг. О чем они? Каким образом Вы пишете книги и статьи? Есть ли у Вас свой метод?

Д. Притчард: Опять же, говорить о трех книгах, находящихся в работе, – это выглядит крайне высокомерно. Это может выглядеть как насмешка над моими целями. Это расстраивает (frustrates) мои планы, а у меня такие большие планы! [смеется]

Я хотел бы написать книгу о квазифидеизме. Это точка зрения в эпистемологии религиозных убеждений. Я чувствую, что у моей позиции есть продолжение и она заслуживает быть изложенной в виде книги. Как я уже сказал, по этой теме ничего нет. Есть только материал, который написал я, и реакции на него. Поэтому я чувствую, что книга должна быть написана. Это то, что я хотел бы когда-нибудь написать. Я также хотел бы написать – не знаю, хорошая ли это идея, – то, что называют «книгой для массового читателя» (tradebook). Это книга для широкой аудитории, которая соединила бы вместе идеи о случайности и риске и их важность в нашей жизни – случайность, риск и смысл жизни. Я думаю, что это хорошая тема, чтобы общаться с людьми, дать им понять, что может предложить философия. Идея созревает, но я откладываю ее реализацию, так как это

будет трудно. Когда пишешь для такой аудитории, трудность в том, чтобы объяснить философские идеи, поскольку, если Вы пишете книгу такого рода, вы не употребляете терминологию, ничего не предполагаете. Это тяжелая работа. Но я хочу попробовать хотя бы один раз. Третья книга будет монографией. Это будет следующая большая, новая работа, о которой я много думал: истина в эпистемологии. Я уже не молод и помню предыдущее поколение эпистемологов. Сейчас я вижу новое поколение эпистемологов, у которых другие предпосылки (*presuppositions*). Я же могу вспомнить предыдущее поколение, таких философов, как Чизолм, Лере и др. Это были большие эпистемологи. И основной идеей тогда было то, что истина является фундаментальным эпистемическим благом (*good*). Это считалось почти трюизмом, поскольку эпистемология – как область философии – направлена на поиск истины. Считалось, что существует одно фундаментальное эпистемическое благо – истина, а всё остальное понимается в его терминах. Как я заметил, в новом поколении, которое пришло после них, почти все это отвергают. Есть некоторого рода плюралисты, для которых существует целый ряд эпистемических благ, а истина – лишь одно из них. Утверждается, что, быть может, существуют другие виды вещей, которые не редуцируемы к истине, быть может, объяснительная адекватность, понимание, мудрость. Также есть те, кто придерживается прагматического подхода, согласно которому существуют ценности, которые даже не являются специфически эпистемическими, и, тем не менее, в некотором смысле они эпистемические, даже если они в традиционном смысле не имеют отношения к эпистемическим ценностям. Есть те, которые думают, что в некотором смысле политические ценности также могут быть важны в эпистемологии. Мне всё это кажется чем-то вроде ложного крена. Я хотел бы вернуться назад – к традиционной точке зрения. Я думаю, что фундаментальным эпистемическим благом является истина. Думаю, что наша ошибка заключается в том, что на этом пути мы принимаем ложную концепцию того, что значит быть фундаментальным эпистемическим благом. Я виню за это Голдмана. Думаю, что случилось то, что позиция, что истина есть фундаментальное благо, превратилась в нечто вроде конвенционалистской точки зрения, которую можно найти в релятивизме Голдмана: заботиться об истине – это в некотором роде максимизировать истинные убеждения, нечто вроде этого. Вы максимизируете истинные убеждения и минимизируете ложные. Я думаю, что это ужасная теория, и из нее происходят самые разнообразные проблемы. Я предлагаю отличную от нее концепцию того, что значит заботиться об истине. Нам надо вернуться к добродетелям. Я предлагаю концепцию, направляемую добродетелями. Заботиться об истине – это то, что делает интеллектуально добродетельный человек. Он заботится об истине, не максимизируя число истинных убеждений. Например, если

употребить пример-клише, он не выходит из дома, чтобы посчитать число сортов травинки, или не запоминает телефонные номера, содержащиеся в телефонной книге. Он проявляет свое отношение к истине, делая важные исследования, заботясь о важных вещах и т. д. Я хочу предложить подход, опирающийся на интеллектуальные добродетели, относительно того, что значит заботиться об истине, и попытаться выяснить, что это значит. Здесь есть как бы два проекта. Есть «негативный проект»: мы не хотим освободиться от истины. Это было ошибкой. Существуют другие ценности, но постольку, поскольку они – эпистемические блага, они редуцируются к истине, понятой соответствующим образом. И есть «позитивный проект». Каким образом мы понимаем, что значит заботиться об истине, если речь не идет просто о максимизации истинных убеждений? И я думаю, ответ должен быть дан в терминах интеллектуальных добродетелей. Существует способ соединить всё это: мои идеи об эпистемическом благе, о ценности некоторых эпистемических состояний (знания, понимания и т. д.), о ценности понимания всего этого для самого себя (важно понимать, как возникают ценности), о природе исследования (inquiry), а также мои работы об интеллектуальных добродетелях. И я думаю, что всё это также важно с точки зрения применения в других областях. Эпистемология важна для таких областей, как образование, право и т. д. Если истина не является фундаментальным эпистемическим благом, применение эпистемологии будет сильно ограничено. Я думаю, что мы можем объяснить, почему эпистемология так важна в этих областях, поскольку то, что мы схватываем, есть истина как фундаментальное эпистемическое благо. Да, это, вероятно, следующая большая книга, в которой я попытаюсь выразить эти идеи.

И. Прись: Как Вы пишете Ваши книги. Есть ли у Вас метод?

Д. Притчард: Да. Писать – это нечто вроде играть мускулами. Я пытаюсь писать каждый день. Пытаюсь писать много.

И. Прись: Сколько страниц или слов в день? [смеется]

Д. Притчард: Я пытаюсь писать много. Я осознаю, что я работаю в тот момент, когда пишу. Я думаю, что другие люди думают независимо от процесса, пишут они в это время или нет.

И. Прись: Ваши книги очень хорошо написаны.

Д. Притчард: Я нахожу процесс работы над ними очень полезным. В сущности, я пытаюсь убедить самого себя в чем-то. Я пишу по крайней мере пару тысяч слов в день. Но многое из этого не выживает, потому что я постоянно исправляю и переделываю. Часто случается, что у меня есть идея, я пишу о ней, но затем я нахожу ее неубедительной и начинаю выдвигать аргументы против нее, результатом чего может быть статья. Но я действительно думаю – и этому я учу, на-

пример, своих аспирантов, что важно просто продолжать писать. Даже если получается ерунда, нужно пройти через это, чтобы перейти к следующей стадии. Мой подход заключается в том, что нужно много писать. Иногда я чувствую, что, вероятно, пишу слишком много. Но это для меня единственный способ работать. Если бы я перестал писать, это бы мне никоим образом не помогло. Я не могу этого не делать. Я должен писать каждый день. Меня утешает тот факт, что многие великие новеллисты работали подобным образом. И они были очень продуктивны. Например, Грэм Грим – мой любимый новеллист – написал тонны и тонны материала. Другой новеллист – Стивен Кинг, судя по всему, должен был много писать каждый день. И я думаю, что если Вы философ и Вы думаете в процессе письма, то Вы обязаны пытаться писать каждый день.

И. Прись: Профессор Притчард, большое спасибо за это интервью! Мои наилучшие пожелания Вам, и успехов в Ваших исследованиях. Спасибо! До свидания.

Д. Притчард: Спасибо Вам! До свидания.

Материал поступил в редколлегию (Received) – 01.12.2020

Статья принята к публикации (Accepted) – 17.12.2020

Сведения об авторах / Information about the Authors

Прись Игорь Евгеньевич

доктор философии (Парижский университет), кандидат физико-математических наук
старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Igor E. Pris

PhD in Philosophy (U. de Paris-Sorbonne), Candidate of Sciences (Physics)
Senior researcher, Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of the Republic of Belarus (Minsk, Belarus)

frigpr@gmail.com

ORCID 0000-0003-1721-6388